

Нефтегазовые проблемы во внешней политике России

П.К. БАЕВ, профессор, Институт исследований проблем мира, Осло

Нарастающий кризис в российском нефтегазовом комплексе ни в коей мере не связан с истощением ресурсной базы или износом основных фондов. Он стал результатом просчетов в государственной стратегии – и превратился в серьезный источник слабости во внешней политике страны. В статье анализируются особенности проявления кризиса нефтяной и газовой отраслей на основных экспортных рынках и оцениваются возможности преодоления сложившихся негативных тенденций и тупиков. Сокращение объема экспортной ренты не является неизбежным, но прорыв к новому динамичному росту требует глубоких корректив как в энергетической, так и во внешней политике.

Ключевые слова: энергия, нефтегазовый комплекс, экспортные рынки, Россия, «Газпром»

Уникальный нефтегазовый комплекс России, сочетающий мощнейшие производственные структуры и многоканальные выходы на различные рынки, превратился в источник слабости во внешней политике. Это утверждение может показаться парадоксальным: оно противоречит как объективной оценке позиций страны в качестве лидирующего экспортера энергии в мире, у которого запасы углеводородного сырья отнюдь не оскудели, так и субъективным представлениям об «энергетической сверхдержаве», без колебаний пускающей в ход «газовое оружие». Парадоксальность действительно присутствует, но главным образом в том, как действующая Энергетическая стратегия на период до 2030 года и разрабатываемая Доктрина энергетической безопасности демонстративно игнорируют кардинально изменившиеся тенденции спроса на глобальных рынках¹.

Предмет статьи – рассмотреть переплетение двух динамичных кризисов: российской внешней политики, которая уверенно продвигается в тупик самоизоляции, и энергетической политики,

---

¹ Проект Доктрины не публиковался, но обсуждался на заседании президентской Комиссии по вопросам стратегии развития ТЭК 23.10. 2012 г. (вступительное слово В.В. Путина см.: URL: <http://president.kremlin.ru/news/16702>. Текст Стратегии доступен на сайте Минэнерго. URL: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/>. Грамотный критический разбор см.: Кимельман С. и Подольский Ю. ЭС – 2030: Игнорируя реалии // Нефтегазовая вертикаль. – 2010. – № . 19. URL: http://ngv.ru/published_issues/?a-736

которая нацелена на преодоление, но ведет к углублению пресловутого «сырьевого проклятия»².

Первый из этих кризисов стал следствием усложнения внутривнутриполитической обстановки в России после выборов 2011–2012 гг., оценка которой выходит далеко за рамки данного анализа. Второй кризис определяется необходимостью активного перераспределения нефтегазовой ренты для поддержания устойчивости существующего режима и невозможностью повышения объема этой ренты в условиях стагнации огосударственного энергетического комплекса, контролируемого конкурирующими бюрократическими кланами. Общие параметры этой комбинации кризисов дополняются особенностями рыночных коллизий на каждом из четырех основных направлений российского экспорта, что и определило структуру статьи.

Нефтегазовые рычаги без точки опоры

Уверенно удерживая позицию ведущего мирового экспортера углеводородов, Россия никогда не получала возможности серьезно влиять на конъюнктуру мировых рынков, но настойчиво стремилась использовать преимущества этой позиции для получения внешнеполитических дивидендов. Развивая в середине 2000-х годов идею «энергетической сверхдержавы», В.В. Путин ставил во главу угла именно прирост влияния на международной арене, который должен был покончить с ображаемым статусом «сырьевого придатка». Расчет был на жесткий личный контроль над экспортными потоками (установленный путем разгрома и экспроприации компании «ЮКОС») и на ожидания неуклонного увеличения объема ренты при небольшом, но принципиально важном наращивании производства. Эти ожидания с позиций сегодняшнего дня могут показаться наивными, но они были созвучны и западным оценкам «пика» в производстве нефти³.

Резкое падение цен на нефть осенью 2008 г. и глубина последовавшего экономического кризиса, рекордная и в «восьмерке», и в БРИКС, и среди нефтедобывающих стран,

---

² Большая часть моих публикаций по энерго-политической проблематике в рамках проекта RussCasp, финансируемого норвежским Советом по научным исследованиям, выходила в англоязычных изданиях; см. например: *Baev P. K. From European to Eurasian Energy Security // Journal of Eurasian Studies. – 2012. – June P. 177–184.* Понятие «сырьевое проклятие» разработано применительно к нефти в книге: *Ross M. L. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. – Princeton NJ: PUP, 2012.*

³ Подробнее см.: *Yergin D. The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. Гл. 11. Is the world running out of oil? – NY: Penguin Press, 2011.*

нанесли такой удар по этим расчетам, что выравнивание ценовой конъюнктуры не помогло в изобретении новых аргументов, маскирующих пагубность энергоэкспортной зависимости. Действующий в то время президент Д.А. Медведев пошел на решительный разрыв с энергетической «сверхдержавностью», провозгласив курс на модернизацию, и хотя претворение в жизнь этого курса не состоялось, постулат о необходимости преодоления стремительно нарастающего технологического отставания прочно утвердился в политическом дискурсе⁴. Вернувшись в президентское кресло, В.В. Путин переставил многие акценты в концепции «модернизации» (да и сам термин употребляет неохотно), но этот постулат остался неизменным, так что в серии предвыборных статей приоритетность нефтегазового сектора была обойдена молчанием, а в своем первом послании Федеральному собранию в конце 2012 г. президент констатировал, что «резервы сырьевой модели исчерпаны»⁵.

Новой стратегической линией стала «реиндустриализация», при этом идея возрождения промышленности опять-таки созвучна метаниям экономической мысли на Западе, с той принципиальной разницей, что в путинских планах «локомотивом» является оборонно-промышленный комплекс (ОПК). Тупиковость этой линии обозначилась на удивление быстро, когда, несмотря на огромные вливания средств в ОПК начиная с 2010 г., к концу 2012 г. именно тяжелая промышленность стала главным замедлителем экономического роста⁶. По мнению М. Ходорковского, путинская «реиндустриализация» лишена того здравого зерна, которое присутствовало в концепции «модернизации», и ведет к «примитивизации экономики из-за невозможности развития бизнеса вне небольшого числа отраслей, поддерживаемых государством... Что-то среднее между Аргентиной 1970-х и нынешней Венесуэлой с Китаем

---

⁴ Обстоятельный анализ роли нефтегазового сектора в продвижении медведевской «модернизации» дан в нескольких главах книги: Россия-2020: Сценарии развития (под ред. М. Липман и Н. Петрова. – М.: Центр Карнеги, 2012); см. в особенности главу К. Гэдди и Б. Уикеса «Российская экономика: как слезть с «сырьевой иглы» (с. 167–187).

⁵ Текст послания доступен на президентском веб-сайте. URL: <http://president.kremlin.ru/news/17118>

⁶ Четкий анализ этого замедления см.: Николаев И. Торможение с вероятностью заноса // Газета.ru. – 2012. – 26 дек. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2012/12/26_x_4906605.shtml

вместо США в качестве основного покупателя сырья. Печально, но пока жить можно»⁷.

Применительно к нефтегазовому комплексу курс на реиндустриализацию сулит некоторые сложности из-за директивных указаний закупать доморощенное оборудование, но главная проблема – необходимость массового изъятия средств на нужды финансирования колоссальной госпрограммы вооружений. Способы такого изъятия могут быть разными (налогообложение остается полем ожесточенных лоббистских интриг), но этот императив противоречит интересам развития нефтяного бизнеса (газовый защищен лучше), в котором нарастающий дефицит инвестиций идет параллельно с увеличением операционных расходов⁸.

Наступление на эти интересы ведет к резкой эскалации борьбы нефтяных кланов, наиболее ярким проявлением которой является противостояние хозяина «Роснефти» И. Сечина и вице-преьера А. Дворковича, но большая часть конфликтов, в особенности затрагивающих «Газпром», остается непубличной. Эта ожесточенная междоусобица превращает якобы расширяющийся госконтроль над сектором в фикцию, поскольку правительство утрачивает возможность направлять развитие отрасли и подрывает устойчивость и даже осмысленность внешней энергетической политики на каждом из ключевых направлений.

Завышенные ориентиры на депрессивном европейском рынке

Со времени победоносного брежневского прорыва в Германию в середине 1970-х годов Западная Европа остается главным рынком сбыта российских углеводородов, а политика этого экспортного потока сфокусирована на природном газе⁹. За это

---

⁷ См. интервью «Михаил Ходорковский о продаже ТНК-ВР: «Деньги не пахнут, не правдали, мистер Дадли?» // Forbes.ru. – 2012. – 21 нояб. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/lyudi/215553-mihail-hodorkovskii-o-prodazhe-tnk-vr-dengi-ne-pahnut-ne-pravda-li-mister-dadli>

⁸ О повышении экспортных пошлин см.: *Стеркин Ф., Докукина К., Казьмин Д.* Система пошлин 60–66 подстегнула инвестиции в добычу и переработку нефти // *Ведомости*. – 2012. – 7 сент.; о сопротивлении «Газпрома» см.: *Струкова Е.* Новые русские льготники: битва Газпрома за НДС // РБК. – 2012. – 22 окт. URL: <http://top.rbc.ru/economics/22/10/2012/675419.shtml>

⁹ Первоклассным источником по этой политике является книга: *Gustafson Thane, Crisis amid Plenty: The Politics of Soviet Energy under Brezhnev and Gorbachev*. – NJ Princeton: PUP, 1989.

время «Газпром» досконально разобрался в хитросплетениях европейского регулирования, а президент В.В. Путин лично вникал в детали всех сделок и проектов; тем не менее 2012 г. открыл период глубокого провала в работе на этом рынке. Дело не в том, насколько серьезным окажется падение экспорта (средняя оценка составляет –10%), а в том, что идеология газовой взаимозависимости России и Европы оказалась несоместимой с экономической жизнью¹⁰.

Эта идеология опиралась на оценки естественной взаимодополняемости, в которых нарастающая энергодефицитность Европы умножалась на свертывание потребления угля (диктуемое ужесточением экологических стандартов) и выводилась на баланс стабильным увеличением поставок газа из России. «Газпром» клятвенно обещал обеспечить такое увеличение (отметая обвинения в недоинвестировании в добычу и предсказания острого дефицита) и видел главную угрозу своей почти гарантированной экспансии в транзитных конфликтах¹¹. Соответственно, главными задачами на вторую половину 2000-х годов были определены введение в строй Бованенковского месторождения на Ямале и строительство газопровода Nord Stream, но успешное продвижение обоих проектов отнюдь не стало триумфом «Газпрома» на европейском направлении.

Характерно, что в середине 2011 г., обсуждая с главой «Газпрома» А. Миллером ввод в строй Nord Stream, Путин оценивал рост спроса на газ в Европе в 200 млрд м³ в течение 10 лет, тогда как, отмечая пуск Бованенковского месторождения в октябре 2012 г., он сказал, что его проектная мощность в 140 млрд м³ – «это почти весь объем нашего экспорта в Европу», а от Миллера потребовал представить оценку изменений в экспортной политике, поскольку «мы с вами не новички на газовом рынке и хорошо знаем его законы»¹².

---

¹⁰ Умеренно-оптимистическая оценка этих перспектив дана в: Мельникова С. Угледородное будущее Европы // НГ–Энергия. – 2012. – 9 окт.

¹¹ Обстоятельный анализ потенциала российского энергетического комплекса (с особым вниманием к газовому сектору) дается во второй части («Outlook for Russian Energy». С. 243–350) ежегодного доклада Международного энергетического агентства (World Energy Outlook 2011, Paris: IEA, 2011).

¹² Стенограмма первой беседы Путина и Миллера доступна на URL: <http://government.ru/docs/16384/>; видеоконференция по пуску Бованенковского месторождения см.: URL: <http://president.kremlin.ru/news/16703>; о заседании президентской энергокомиссии см. ссылку 1.

К началу 2013 г. стало невозможно игнорировать ясно обозначившуюся перспективу нулевого роста потребления газа в Европе, пришло и понимание прочной завязанности России на этот депрессивный рынок, где придется прилагать экстраординарные политические усилия только для того, чтобы сохранить долю «Газпрома» на уровне четверти общего спроса.

Эта безрадостная перспектива вызывает приступ раздражения на позицию европейских партнеров, которое фокусируется в основном на так называемом «третьем энергопакете», который Путин аттестовал как «нецивилизованное решение», применение которого приходится рассматривать «как конфискацию российских инвестиций»¹³. Эти филиппики никак не влияют на содержание «пакета», принятого еще в середине 2009 г., тогда как сомнения Еврокомиссии в цивилизованном поведении «Газпрома» стали поводом для расследования, и нет никаких оснований рассчитывать на его благоприятный исход¹⁴. Стремясь сохранить объемы экспорта и одновременно удержать формулу цены на рынке, где целенаправленно нагнетается интенсивность конкуренции, российские энергополитики рискуют проиграть по обоим ставкам.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что европейские политики остаются в плену собственных энергетических иллюзий и готовы расстаться с ними еще меньше, чем Путин с идеями об энергетической безопасности для поставщиков. Целеполагание новой энергетической политики Евросоюза было утверждено во второй половине 2000-х годов, и с тех пор его огромная бюрократическая машина остается на рельсах, маркированных ориентиром «20–20–20» (сокращение потребления первичных энергоресурсов на 20% к 2020 г.), хотя ситуация на рынке изменилась радикально¹⁵.

---

¹³ Стенограмма пресс - конференции по итогам саммита ЕС - Россия в декабре 2012 г. доступна на URL: <http://president.kremlin.ru/transcripts/17178>); никаких сдвигов в преодолении обострившихся энергетических разногласий на этом саммите достигнуто не было; См.: Новикова Е. Россия - ЕС: визы, энергетика, Сирия // Эксперт. - 2012. - 21 дек. URL: <http://expert.ru/2012/12/21/rossiya-es-vizyi-energetika-siriya/>

¹⁴ Последовательным критиком «Газпрома» выступает А. Ослунд, по поводу евроисследования см.: *Åslund A. Gazprom crisis cast shadow over Putin // Financial times.* - 2012. - 27 sept.

¹⁵ Так называемый «зеленый документ» (Green paper) с громоздким названием «A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy», принятый в 2006 г., доступен на URL: http://ec.europa.eu/energy/strategies/2006/2006_03_green_paper_energy_en.htm

Некоторые изменения, включая «сланцевую революцию» в США, позволяют быстрее продвигаться к целям либерализации рынка и диверсификации источников снабжения, но жесточайший кризис европейских финансов требует пересмотра курса на щедрое субсидирование выработки ветровой, солнечной и прочих возобновляемых видов энергии¹⁶. Эти требования остаются неслышанными точно так же, как были проигнорированы европейскими политиками уроки провального «климатического» саммита ООН в Копенгагене в декабре 2009 г. Дискурс сокращения выброса парниковых газов любой ценой остается доминирующим в Брюсселе, хотя его бессмысленность вполне очевидна в Афинах, Риме и Мадриде.

Двумя важнейшими для России узлами европейской энергетической политики являются Украина и Турция, которые и выступают крупнейшими потребителями, и пытаются максимально увеличить транзитные преимущества. Не углубляясь в анализ газовых конфликтов, отметим, что Москва сделала отчетливый выбор в пользу достижения договоренностей с Анкарой вместо поиска компромиссов с Киевом, материальным воплощением которого явилось начало строительства газопровода «Южный поток»¹⁷.

Этот выбор представляется не только сверхдорогостоящим, но и крайне близоруким, поскольку Украина остается важнейшим геополитическим и культурно-политическим соседом России, и выход на договоренности по совместному владению и модернизации ее газотранспортной инфраструктуры был вполне достижим – но только совместно с Евросоюзом, что не вошло в «евразийские» планы Путина. При всех выгодах стратегического партнерства с Турцией вероятность экономического коллапса на Украине остается критической угрозой для экономики России, и играть на повышение этой вероятности, по меньшей мере, безответственно.

---

¹⁶ Мой более детальный анализ этих изменений см.: *Baev P. Russian Energy as a Challenge and a Bonus for European Security // Studia Diplomatica. – 2012. – Vol. 64. – № 1. – P. 91–100.* Грамотный анализ можно найти в: *Мельникова С.М. Какова цель «целевой модели»? // Россия в глобальной политике. – 2012. – Март–апр. URL: [http://www.globalaffairs.ru/number/Kakova-tcel-tcevevoi-modeli-15544](http://www.globalaffairs.ru/number/Kakova-tsel-tcevevoi-modeli-15544)*

¹⁷ О газопроводных интригах на южноевропейском направлении см.: *Baev P. and Øverland I. The South Stream versus Nabucco pipeline race // International Affairs. – 2010. – Vol. 68, № 5. – P. 1075–1090.*

Исчезающая ниша на азиатско-тихоокеанских рынках

На фоне беспросветной европейской депрессии динамика ведущих экономик Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР, включая Индию, но исключая длительно-депрессивную Японию) выглядит столь впечатляюще, что перспективы спроса на российские энергоресурсы кажутся гарантированными. Энергетическая «Стратегия-2030» также выдвигала амбициозные ориентиры для прорывов на восток, но подведение предварительных итогов к помпезному саммиту Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС) во Владивостоке в сентябре 2012 г. оказалось обескураживающим. Саммит должен был продемонстрировать инвестиционную привлекательность динамичного Дальнего Востока, но поразил гостей лишь размахом бессмысленных трат и расцветом коррупции¹⁸. Несостоявшийся триумф показал, что подчеркнутое политическое внимание создает больше проблем, чем решает, а Министерство по развитию Дальнего Востока остается беспомощным бюрократическим новоделом¹⁹.

Энергетические ресурсы Восточной Сибири потенциально велики, но в реальности малоизучены, труднодоступны и низкорентабельны в разработке; привлечение иностранного капитала к их освоению резко застопорилось после силового вторжения «Газпрома» в проект «Сахалин-2»²⁰. В результате агрессивно-директивной государственной политики Сахалин остается единственным местом к востоку от Енисея, где реализована группа масштабных проектов, тогда как работы на многообещающем Ковыктинском месторождении застопорились (Ванкор корректнее относить к Западной Сибири, хотя льготы выбиты по максимуму).

---

¹⁸ О масштабах проблем, выявленных после саммита, см.: *Волков В.* Неделанный саммит // Ежедневный журнал. – 2012. – 28 дек. URL: <http://buro.ej.ru/?a=articles&id=35>). О нереалистичности задач переориентации энергоэкспорта на восток см.: *Baev P.* Asia – Pacific and LNG: The lure of new markets // *Katinka Barysch, ed., Pipeline, Politics and Power: The Future of EU–Russia Energy Relations.* – London: Centre for European Reform (CER), 2008.

¹⁹ Заседание Госсовета по разработке госпрограммы развития Дальнего Востока в ноябре 2012 г. было малосодержательным. См.: *Колесников А.* Процесс дальневосточного урегулирования // Коммерсант. – 2012. – 30 нояб.

²⁰ Аккуратный анализ этого сюжета см.: *Bradshaw M.* A New Energy Age in Pacific Russia: Lessons from the Sakhalin Oil and Gas Projects // *Eurasian Geography and Economics.* – 2010. – Vol. 51, № 3. – P. 330–359.

Низкие темпы введения в строй новых месторождений ликвидировали экономический смысл форсированного (и тем не менее затянутого) строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), но этот «стратегический» приоритет был тем не менее победно реализован в 2011–2012 гг.²¹ Как подчеркивал директор Энергетического центра бизнес-школы «Сколково» Г. Выгон, «когда государством принимаются стратегические решения, как, например, прокладка магистрального трубопровода, то не учитывается, что крупные и уникальные месторождения, запасы которых стоят на государственном балансе, на самом деле в обозримой перспективе никто разрабатывать не собирается. В результате ВСТО сегодня заполняется преимущественно западносибирской нефтью Ванкорского месторождения»²².

Российские политики и эксперты не очень представляют себе, как их амбиции и заявки на серьезные роли в АТР выглядят со стороны, а между тем в Европе заявления о повороте энергоэкспорта на восток давно уже отнесены к категории блефа. Трудно оценить, сколь велико раздражение российской энергоамбивалентностью в Китае, который посылал предельно ясные сигналы о готовности покупать всю восточносибирскую нефть по нефтепроводу от Сковородино и наблюдал, как Москва с упорством, достойным строителей Транссиба, протянула ВСТО до терминала в Козьмино²³.

Новое китайское руководство должно упрочить свою легитимность, обеспечив незамедление экономического роста, что в ближайшие годы будет означать рост потребностей в импорте энергоресурсов. Внешняя политика, которая традиционно занимает подчиненное положение в иерархии китайской государственности, призвана обеспечить удовлетворение этих потребностей, но упирается в несогласие России со статусом

---

²¹ О пуске второй очереди ВСТО см.: *Рубанов И.* Почти как БАМ, только без напряга // Эксперт. – 2012. – 20 фев. URL: <http://expert.ru/expert/2012/07/pochti-kak-bam-tolko-bez-napryaga/>

²² См.: *Выгон Г.* В России есть колоссальные ресурсы, но мы занимаемся чем-то не тем // РБК Daily. – 2012. – 17 июл. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/07/17/tek/562949984337880>

²³ Развернутый анализ этих коллизий можно найти в книге: *Keun – Wook Paik.* Sino-Russian Oil and Gas Cooperation: The Reality and Implications. – Oxford: Oxford University Press for OIES, 2012.

китайского сырьевого «придатка»²⁴. Планирование торговых войн поставлено в Пекине куда лучше, чем в Москве, и вывод о том, что путинская «реиндустриализация» может продвинуться только на тех направлениях, где будут поставлены барьеры импорту китайских товаров, уже просчитан до деталей. В сочетании с нарастающей рассогласованностью принятия энергополитических решений это делает Россию крайне ненадежным поставщиком, так что, видимо, на планах открыть новый канал импорта газа с севера в Пекине поставлен крест²⁵.

Китай не спешит даже с прокладкой дополнительной нитки газопровода из Туркменистана (который опрокинул всю российскую газовую политику в Средней Азии), хотя крайнее обострение экологических проблем заставляет Пекин планировать замещение угля газом в электроэнергетике. Одна часть этого плана предусматривает кратный рост поставок сжиженного газа из Австралии, но главным образом он нацелен на освоение собственных запасов сланцевого газа²⁶. Американские технологии не являются государственной тайной, и экспорт «сланцевой революции» в Китай выглядит вероятным уже к середине текущего десятилетия, что к его исходу радикально изменит всю композицию энергетического рынка АТР. Упустив по меньшей мере пять лет в подготовке газового прорыва на восток, Москва может обнаружить, что ниша, которая должна была превратиться в пещеру Али-Бабы, попросту схлопнулась²⁷.

Потеряв массу времени и денег в пустых хлопотах вокруг саммита АТЭС, Москва обнаруживает, что обновленные планы превращения в полноправную азиатскую державу сталкиваются не только со сверхжесткой конкуренцией на энергетическом рынке АТР, но и с резко нарастающей геополитической

---

²⁴ Эта перспектива ярко обрисована в провидческом романе Владимира Сорокина «День опричника»; актуальный взгляд востоковеда см.: *Тавровский Ю.* Сибирь прирастает Китаем // *Независимая газета.* – 2012. – 14 нояб.

²⁵ МЭА тем не менее полагает, что к 2020 г. экспорт газа из России в Китай достигнет 55 млрд м³; см.: *World Energy Outlook 2012.* – Paris: IEA, 2012. – P. 147–149.

²⁶ См.: *Азарин А.* Китайская сланцевая революция // *НГ–Энергия.* – 2012. – 9 окт.

²⁷ Оптимистические оценки доминируют в комментариях российских экспертов точно так же, как несколько лет назад они превалировали в отношении европейского рынка; см.: *Куликов С.* Миру не слишком нужен российский газ // *Независимая газета.* – 2012. – 4 сент.

напряженностью²⁸. Россия пока еще не втянута в серию переплетающихся конфликтов, но оставаться в стороне становится все труднее, а для успешного участия нет ни эффективных силовых рычагов, ни союзников.

Нефтегазовые ставки в ближневосточной трансфигурации

Применительно к Ближнему Востоку расхожими политологическими штампами-близнецами всегда были «нестабильность» и «напряженность», но с начала 2011 г. эти термины оказались слишком слабыми для характеристики бурных процессов крушения устоявшихся режимов и рождения новых политических сил. Эпицентром ближневосточной революционной катастрофы в течение всего 2012 г. оставалась Сирия, и если на Западе позиция России по этому затяжному кризису представляется иррациональной и заведомо пораженческой, то в Москве с удовольствием отмечают, что твердая линия против интервенции позволила России оставаться в самом центре мировой политики. Страсти, бушующие вокруг Сирии, поддаются анализу лишь в контексте столкновения интересов, завязанных на будущее всего турбулентного региона от Марокко до Ирана, в которых присутствует, но – что принципиально важно – не доминирует энергетическая составляющая.

Поворотным моментом стала интервенция НАТО в Ливии. В контексте энергетической темы немаловажно, что гражданская война в Ливии помогла «Газпрому» нарастить экспорт в Европу в 2011 г., тогда как оживление ливийского газового сектора в следующем году отозвалось падением поставок из России. К сожалению, это оказалось сюрпризом для «Газпрома», но вопрос не исчерпывается двухлетним зигзагом. Ливия открывается для нефтегазового бизнеса, и напоминания Путиным об ужасном убийстве Каддафи и разгуле терроризма, жертвой которого стал посол США, едва ли остановят Total и ENI, которые ведут разведку новых месторождений и планируют конкуренцию ливийского газа с газпромовским в Южной Европе, невзирая на давние партнерские обязательства.

---

²⁸ Об увлечении стран АТР попытками «померяться национальными суверенитетами» см.: *Строкань С.* Первый тихоокеанский фронт // Коммерсант. – 2012. – 27 дек. Об уязвимости Китая см.: *Лукьянов Ф.* На гегемона не тянет // Газета.ru. – 2012. – 19 нояб. URL: <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/4616101.shtml>

Коллизии вокруг Сирии прямого касательства к энергетическим интересам не имеют, но они привели не только к трениям с Турцией, но и к резкому охлаждению отношений с нефтяными монархиями Персидского залива, взявшими на содержание сирийскую оппозицию. Наиболее активную анти-асадовскую позицию занимает Катар, и раздражение эмира Хамада бин Халифа аль Тани российской «принципиальностью» практически парализовало работу Форума стран-экспортеров газа, который никогда, впрочем, не соответствовал заявленному статусу «газовой ОПЕК». Но эти осложнения покажутся Москве мелкими недоразумениями, если начнут воплощаться в жизнь перспективы ускоренной модернизации нефтяной промышленности Ирака, детально прописанные в последнем докладе МЭИ²⁹. Российские компании участвуют в реализации нескольких проектов в Ираке, и только перерастание курдского сепаратизма в вооруженный конфликт может притормозить их быстрое продвижение.

Следующий возможный прорыв – разрешение в середине 2010-х годов затяжного кризиса вокруг ядерной программы Ирана, который может стать полупризнанным обладателем ядерного оружия (вроде Пакистана), что вынудит свернуть режим санкций. Приток инвестиций (в основном, по-видимому, китайских) позволит резко увеличить мощности по производству нефти и сформировать ситуацию, когда страны ОПЕК будут коллективно заинтересованы в перенасыщении рынка и падении цен, с тем, чтобы подорвать эффективность различного рода нетрадиционных источников. Для России такая ситуация представляет столь же катастрофическую угрозу, как и для Советского Союза в конце 1980-х годов.

Важным и к настоящему времени малоосмысленным изменением расклада геополитических сил является тот факт, что США, многие десятилетия вынужденные брать на себя основное бремя в поддержании стабильности в регионе в силу высокой зависимости от импорта нефти, практически выходят на самообеспеченность благодаря «сланцевой революции», тогда как главным получателем углеводородов – и соответственно главным потенциальным интервентом – становится Китай.

---

²⁹ World Energy Outlook 2012. – Paris: IEA, 2012. – P. 385–498.

Арктика подождет

Взрыв политических страстей вокруг нефтегазовых ресурсов на шельфе Северного Ледовитого океана в конце прошлого десятилетия стал следствием многих факторов – от глобального потепления (единственное бесспорное проявление которого – таяние арктических льдов) до очередного пика опасений надвигающегося «конца нефти». К началу 2013 г. эти страсти основательно улеглись, хотя политики иногда еще пытаются доказывать, что, не расширив границы в Арктике, «мы проиграем борьбу за ресурсы, а значит, проиграем большую борьбу за право иметь собственный суверенитет, независимость», а газетно-кабинетные стратеги не устают фантазировать про арктические войны³⁰. Можно констатировать, что в российской политике Арктика определенно вышла из моды, а так и не поданная заявка в Комиссию ООН по разграничению на континентальном шельфе (Commission on the Limits of the Continental Shelf, UN CLCS) перестала считаться государственным приоритетом³¹.

Причина, на наш взгляд, в том, что стабилизация цен на нефть и «сланцевая революция» заставили переоценить эффективность проектов на арктическом шельфе на ближайшие несколько лет, которые, собственно, и составляют «обозримую перспективу», поскольку развитие событий в районе Персидского залива и в постчавесовской Венесуэле не поддается никакой экстраполяции. Затратность этих проектов, включая экстраординарные расходы на обеспечение экологической безопасности (которые «Газпром» явно недоучел в злополучном проекте по разработке Приразломного месторождения), настолько высока, что окупаемость просто не поддается исчислению³². Характерен в этом смысле заголовок «“Роснефть” и Еххон удваивают инвестиции в арктический шельф» к статье, в которой речь шла о двукратном повышении оце-

---

³⁰ Фразой блеснул вице-премьер Дмитрий Rogozin на заседании Морской коллегии в декабре 2012 г., см.: РИА-Новости. – 2012. – 4 дек. URL: <http://ria.ru/arctic/20121204/913367627.html>); стратегия в жанре фантази представлена в статье: *Апанасенко В.* Новая мировая война может начаться в Арктике // Независимое военное обозрение. – 2012. – 23 нояб.

³¹ На 1 января 2013 г. в Комиссии было зарегистрировано 65 заявок; российская значится первой (подана 20 дек. 2001 г.), но сроки ее нового представления (после возвращения для доработки в июне 2002 г.) многократно переносились. См.: URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/commission_submissions.htm

нок стоимости разведочных работ в Карском море, в то время как ни одна из компаний не собирается принимать инвестиционные решения³³.

Самым ярким свидетельством того, что арктические намерения откладываются на неопределенное будущее, стал развал консорциума по разработке сверхгигантского Штокмановского месторождения, который Путин курировал лично³⁴. Налоговый режим, по всей вероятности, поддавался льготной настройке, но условия базового соглашения (которое не предусматривало раздела продукции), выглядевшие привлекательно для многих западных «мейджоров» в середине 2000-х годов, стали неинтересными с точки зрения норвежской Statoil, которая имеет опыт работы и на арктическом шельфе, и с американскими сланцами. Заинтересованность ExxonMobil, ENI, Statoil и других компаний в получении преимущественных прав на разведку в обширных малоизученных акваториях сродни стремлению российского руководства закрепить контроль над огромным сектором шельфа между хребтами Ломоносова и Менделеева, где перспективные на нефть геологические структуры практически отсутствуют, но вопрос стал делом престижа, который обладает самооценностью.

Приобретение привилегий на работу в Российской Арктике способствует росту капитализации партнеров «Роснефти» (хотя сам созданный И. Сечиным нефтегигант остается недооцененным), но даже один баррель разлившейся нефти может обрушить котировки, поэтому спешить с реализацией этих привилегий нет большого смысла. Как резонно констатирует Н. Пусенкова, «пока же наши корпорации и правительство не проникнутся новым экологическим менталитетом (который пригодится и в старых нефтегазодобывающих районах), может, и не надо спешить покорять Арктику»³⁵.

---

³² Обстоятельный анализ разработки Приразломного см.: *Lunden L. P. & Fjærtoft D. 20 Years of Deceloptment and Still No Oil // RUSSCASP Report. – 2013. – Jan. URL: <http://www.fni.no/russcasp/index.html> (перевод – в настоящем номере «ЭКО». – Прим. ред.).*

³³ См.: *Топалов А. Триллион уйдет в бур // Газета.ru. – 2012. – 19 дек. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2012/12/19/4897953.shtml>*

³⁴ Заслуживает внимания мнение В. Милова / См.: *Бросать разработку Штокмана нельзя // Forbes.ru. – 2012. – 31 авг. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/kompanii/108894-brosat-razrabotku-shtokmana-nelzya>*

³⁵ См.: *Пусенкова Н. Проблемы добычи «черного золота» на Севере // НГ-Энергия. – 2012. – 13 нояб.*

Освободившись от нездорового ажиотажа (вклад в раздувание которого внесли многие ученые, пробывавшие финансирование своих исследований), арктическая политика могла бы продвигаться по пути сотрудничества, в первую очередь в рамках Арктического совета, если бы не крайне неуклюжие действия Москвы в отношении ряда НКО, в частности Ассоциации коренных малочисленных народов Севера³⁶. Арктика остается интересной для стран и корпораций, которые могут позволить себе роскошь вложений в неблизкое будущее, но горизонт планирования российской политики свернулся настолько, что наметать отдаленные цели можно только в качестве упражнения в абстрактном мышлении – или в жанре антиутопии.

Возможны варианты

Начало второй декады XXI века, возможно, действительно будет рассматриваться как заря «газового золотого века» (Golden Age of Gas), предсказанного МЭА с сугубо экологически-корректной целью добиться снижения доли угля в мировом энергетическом балансе³⁷. Для России с ее первоклассными запасами природного газа этот «век» мог бы открыть ослепительные перспективы превращения в подлинного лидера глобальной энергоиндустрии, но провалы в политике создали угрозу совсем другого превращения. Потеря темпа во внедрении новых технологий и резкое ухудшение отношений с ключевыми потребителями угрожают не просто сокращением объема экспортной ренты, но и закреплением статуса ненадежного поставщика и игрока-спойлера, выигрывающего на экстремальных сжатиях рынка, что будет означать принципиальный проигрыш в «газовой революции» (которая едва ли продлится целый век).

В этой перспективе нет ничего неотвратимого, но принципиальное ускорение в развитии газовой индустрии возможно лишь при глубоких коррективах энергетической и внешней политики. Некоторые текущие изменения благоприятствуют такому ускорению; в частности, виден перенос личных интересов

---

³⁶ Попытка приостановить деятельность этой Ассоциации вызвала резонанс в арктических кругах, но осталась почти незамеченной в России; см.: *Тарасов А.* Народ только мешает // Новая газета. – 2012. – 16 нояб.

³⁷ Критический анализ этого прогноза можно найти не только в памфлетах борцов с глобальным потеплением, но и в статье: *Wolf M.* Prepare for a golden age of gas // Financial times. – 2012. – 21 Febr.

президента В.В. Путина с газового бизнеса на нефтяной, где генерируются значительно большие финансовые потоки. Снижение политизации газового сектора позволяет вернуться к вопросу о реформе «Газпрома», который вышел на предельный уровень корпоративной неэффективности. Однако необходимые первые шаги – отказ от строительства баснословно затратного газопровода «Южный поток» и выход на совместные с Евросоюзом решения по модернизации газовой инфраструктуры в Украине – лежат за пределами политически приемлемых для Кремля.

Наращивание роли государства в нефтегазовом секторе во многом является мнимым и маскирует подлинную проблему незаинтересованности квазисобственника в эффективности. Огосударствление должно было бы гарантировать прямой контроль правительства, которое одно является законным носителем государственного интереса, над развитием отрасли. Вряд ли есть необходимость доказывать, что правительство Д.А. Медведева не обладает реальным контролем за деятельностью «Газпрома» и «Роснефти», прикрывающихся статусом госкомпаний для реализации чисто клановых интересов, сутью которых остается максимизация текущей прибыли и наращивание пресловутой «коррупционной составляющей».

Конфликт этих интересов с критической государственной необходимостью изъятия основного объема нефтегазовой ренты при существующем политическом режиме решения не имеет. Этот конфликт в большинстве случаев остается за рамками профессиональных оценок, оперирующих категориями достоверности запасов и эффективности производственных мощностей, и не попадает в поле зрения анализа внешнеполитических коллизий, который принимает как данность наличие консолидированных интересов огосударвленного нефтегазового комплекса. Остается надеяться, что выход из внутриполитического кризиса опередит углубление деградации нефтегазового комплекса, который таким образом окажется в состоянии поддержать политическую «надстройку» в момент критической неустойчивости – и затем позволит воспользоваться новыми политическими импульсами для реальной модернизации.